

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

РАССКАЗ

Владислав КОРНЕЙЧУК

Родился в городе Ельце Липецкой области в 1970 году, учился в МГУ, журналист. Начинал с должности радиомонтажника на заводе и автора-ведущего музыкальной радиопрограммы. С 1993 года работает в разных московских периодических изданиях по направлениям «социальные проблемы», «спорт», «культура». Проза опубликована в литературных журналах «Урал», «Нева», альманахе «Жрнов» (Белград). Живёт в Москве.

*Я ж такие ей песни заказывал!
А в конце заказал «Журавли».*

В. Высоцкий, «Городской романс»

Продавали Солжа — мягкая обложка, без иллюстраций, — проехав две станции, на «Менделеевской», стоя в переходе на «Новослободскую». Продав, шли в общагу пешком, минут пятнадцать ходу.

Придумал этот бизнес Артём. Ничего такого особенного тут городить и не пришлось. Схема простая как три рубля. Он заметил чёрную железную дверь за кинотеатром «Россия». Или нет. Ему кто-то про неё сказал. Зевака (как мы) или провокатор из тех, что толпились тогда перед вывешенными за стеклом номерами газеты «Московские новости». И почему-то мы не подумали тогда, что там же, на Пухе, в одном из переходов между «Пушкинской», «Чеховской» и тогда ещё «Горьковской» (а то и на крыльце «Московских новостей»), ещё лучше будут покупать.

Как-то это было уж совсем — выйти и тут же продавать. Всё-таки совесть для бизнесмена — серьёзная помеха.

Всё-таки совесть для бизнесмена — серьёзная помеха.

Купив на половину стипендии — остального хватало на льготный проездной и крупу-макароны — разрешённую горбачёвской перестройкой антисоветчину, везли недорого, в мягкой обложке литшедевры на «Менделеевскую». Это нас в наших собственных глазах немного оправдывало. Иногда капитал тут же удваивался. Но чаще уходило два-три «Архипелага» да один «Иван Денисович». Остатки распродавались на следующих торговых сессиях.

Сами-то мы такое не читали. Я терзал номера «Юности» с «Чонкиным». Артём нашёл «Науку и религию» с Кастанедой; заинтересованно погружался в мистические опыты... Мы слушали тяжрок и психоделику. Нас тянуло к модному молодёжному чтиву.

Ни разу никто не шуганул нас там (вегетарианские времена), но всё равно торговали вдвоём: веселее и не так боязно. А потом, мы с Артёмом тогда учились в параллельных группах, жили в одной общаге.

Прошло очень много лет с тех пор. Уже совершенно другое здание да с иными внутренностями стоит там, где размещалась редакция «Московских новостей». Никто под этими окнами не приводит в качестве аргумента в споре пример из абсолютно идеальной западной демократии. Русский, бывший советский, человек успел очароваться Западом, разочароваться в Западе...

Давно раздаются призывы убрать из всех учебных программ десятилетиями триумфально шествовавшего Солжа, а также требования переименовать улицу его имени обратно — в Большую Коммунистическую. Кастанеду, мне кажется, забыли. Он писал слишком объёмные вещи, чтобы поколение айфона их читало.

В конце восьмидесятых много говорили о том, что «рынок всё поправит», о «честной конкуренции», все с энтузиазмом смотрели американское кино про лихих индивидуалистов, а очередь в свежеооружённый «Макдо», как говорят в Париже, только недавно перестала опоясывать Новопушкинский сквер и сосредоточилась у фасада заведения.

Артём продолжает придерживаться «молодёжного» стиля в одежде: джинсы, олимпийки.

— Ты тогда из Москвы уехал, — стремясь, кажется, втягивать выпирающий под принтом Black Sabbath живот, сетует он. — А я тут выживал: без прописки, без квартиры. Всё время фирмы эти почему-то закрывались. Не успеешь привыкнуть к какой-никакой стабильности — снова нужно что-то искать. Но, с другой стороны, жил надеждой. Я ж типа молодой — мне 23, 24, 25... И, кстати, фигура у меня была не то, что сейчас. Живот плоский, любую одежду мог носить. Сейчас это я ещё схуднул. Чуток жирок с живота ушёл, пресс подкачал — и теперь могу вспомнить, как это, без пуза, было. Жил

Русский, бывший советский, человек успел очароваться Западом, разочароваться в Западе...

впроголодь. Звонящая пустота в животе! Даже если деньги немелась — готовить, как правило, неохота...

Не удержавшись, спрашиваю:

— Но теперь у тебя всё в порядке, женат, дети. Ты, Артём, доволен своей жизнью?

— Доволен...

Слово зависло в окружающем шуме-гаме.

После затянувшейся паузы Артём продолжает:

— На Плющихе, помню...

— Где три тополя? — мне хочется уйти в шуточный тон.

Артём отмахивается: а-а-а, прекрати!

— Даже кровати у меня не было. Спал на постеленном прямо на полу матрасе. Однажды вижу: из подъезда дома напротив какие-то вещи выносят. Освобождали квартиру; может, кто умер. Родственники наводили порядок. Как это у нас бывает... Баракло какое-то выбрасывают. Что-то из мебели выносят... Времена такие были, что люди даже не потрудились свой мусор на помойку отнести. Свалили во дворе.

— До лучших времён?

Артём не реагирует.

— И там была кровать — железная сетка с деревянными спинками. Как в общежитии у нас. И я такой: всё же лучше, чем на полу! Будет, будет и у меня теперь кровать! Поздний вечер, зима. Я и не разглядел, в каком состоянии кровать. Дотащил до своего подъезда, поднялся с этой хреновиной по лестнице на свой четвёртый этаж, занёс в квартиру. По ходу несколько раз стукнул железякой об углы, перила. Пока карабкался. А при этом боялся, соседи заинтересуются. Я ж лишний раз там ни с кем не контактировал да и вообще не контактировал: зашёл — вышел. Жил-то без прописки. Втащил кровать — и только тогда разглядел... Из деревянной спинки мелкие гниды там и сям выглядывают. Червячки, мокрицы, хрен их знает, что за гадость там поселилась. Выковыряю, подумал, сколько их там: три, четыре... Оказалось, обе спинки кишат этой дрянью. Противно стало... И тащить вот так же — силы закончились. Хотел в окно выбросить. Хорошо, одумался. Или рамы там старые просто не открывались, а то и метнул бы со всей дурацкой мочи. В те времена я мог такое отчебучить. Четвёртый этаж. Короче, опять тащил по лестнице, стучаясь этой гнидской кроватью об углы. Бросил внизу, возле подъезда. Наутро выхожу. Два сугроба, между ними кровать эта дурацкая: на сетке какой-то пацан, как на батуте, прыгает...

За соседним столиком оживлённо, хотя и приглушая голоса, укрывшись в тени кафешного зонта, переговариваются трое военных. Обращаю внимание, что пьют охлаждённое белое. Закусывают салатами. Для московской жары — то что надо.

Женщина с увеличенными губами и пониженной социальной ответственностью, до сих пор просто сидевшая за пустым соседним столиком, никак не привлекавшая внимания,

Времена такие были, что люди даже не потрудились свой мусор на помойку отнести. Свалили во дворе.

вдруг обращается к военным с просьбой налить вина: мучает похмелье. Один из них, посмотрев на часы — половина пятого, — констатирует: для опохмела поздновато. И проститутке: — Мать, дай пообщаться.

Допив кофе, берём по бокалу вина. Такого же. Артём свой приканчивает быстро. Заказывает второй, но его пьёт медленно. Во время рассказа о вине забывает.

— Мы с ней в институте не обращали внимания друг на друга. А тут случайно на «Баррикадной» встретились. Несколько раз по телефону «о жизни» говорили. Раз я к ней как-то на работу приехал. Она официанткой трудилась. С дипломом инженера не так просто, оказалось, устроиться, как мы все тогда поняли. Даже у неё с пропиской-квартирой далеко не сразу получилось.

Получив, как и Артём, вначале девяностых диплом, я, в отличие от него, уехал в родной Омск. Рассказываемая трепетная история — как раз из того послеинститутского периода.

— Я понимал, — продолжает Артём, — у неё были мужчины. Но подумал тогда: ерунда...

Мы с Артёмом в институте были металлистами. После увлечение быстро сошло на нет. До сих пор, правда, ни он, ни я не выбросили выпущенные SNC и AnTrop грампластинки в потрёпанных конвертах.

— Увидев, точнее, разглядев тогда Светку, решил, что вот оно, то самое. — Артём, всё более увлекаясь своим рассказом, вспоминает детали. — А как я мёрз тогда в съёмной квартире в Люберцах — плохо отапливаемой, с незаклеенными окнами!

Проститутка за соседним столиком, придумав, возможно, где ей сейчас нальют, громко отодвинув стул, встаёт. Вспоминает про вюиттоновскую сумку, лежавшую у ног, подхватывает эту свою гордость, пошатываясь, разглядывая поизносившийся педикюр — ах, мои пальчики! — идёт к выходу...

— Поверил вдруг в... настоящую любовь...

Один из военных хлопает ладонью по столу. На мгновение мне кажется, он прислушивается к нашему разговору. Но они говорят о своём:

— Хорошо, Валентиныч, дома!

И дальше — в духе «покурить бы — да здесь не курят».

Я снова подключаюсь к каналу, на котором вещает мой собеседник.

— Думал, мы проживём целую эпопею чудесных тонких эмоций. — Артём медленно рвёт на две части бумажную салфетку. — До всего...

Не перебиваю его, изредка отпиваю из бокала, слушаю в общем-то внимательно. Мне, честно говоря, даже интересно.

— Я позвонил довольно рано, в одиннадцатом часу, а она вдруг говорит: приезжай!

Передо мной был тот самый Артём...

Мы с Артёмом в институте были металлистами. После увлечение быстро сошло на нет. До сих пор, правда, ни он, ни я не выбросили выпущенные SNC и AnTrop грампластинки в потрёпанных конвертах.

Как-то, узнав об одном из митингов в поддержку Ельцина, мы с ним аккуратно вывели тушью на большом листе ватмана призыв ко всем героям идти туда стройными рядами.

Захватив канцелярские кнопки, поехали в центр, чтобы повесить на видном месте. На Пушкине прикрепить было не к чему, пошли, высматривая подходящую поверхность, по Тверскому бульвару.

Примерно в середине Твербуля нарисовался, иначе не скажешь, приземистый парнишка.

— Сигарету дай, — приказал низким и, как показалось, натужно-зловещим голосом.

Я, вежливый, вытянул из пачки сигарету.

— Одну, — вместо «спасибо» сказал прохожий, — можешь оставить себе.

Гражданин СССР, который один среди бела дня подходит в центре ещё советской Москвы к незнакомым, слегка, может быть, и рахитичным и инфантильным, но всё-таки высоким юным парням с таким запросом, не может не напугать. Во всяком случае, меня...

Книжно-домашний Артём не курил, но выглядел, кажется, ещё дистрофичнее меня, разве что такой же высокий, длинноногий. Уловив, что мгновение — и я протяну гопнику пачку, шедший с другой стороны Артём приостановился и, приготовившись огреть свёрнутым в рулон приглашением на ельцинский митинг, зарядил коммуникабельному наглецу громкий поджопник. Шлепок — словно кто-то из редких в этот час на Твербуле пешеходов затеял выбивание пыльного ковра: о-о-оп! — прорвался сквозь шум авто и затих в кроне двухсот-летнего пушкинского дуба...

Я знал, Артём способен на подобные эскапады.

Он был такой вот, эмоциональный очень.

Пошла перебранка в духе «Чё ты? — А чё ты?», я тоже наконец включил агрессию, приняв боксёрскую стойку, — и забредший на Бульварное кольцо гопарь, скорчив физиономию по типу «плевать на вас хотел», удалился в сторону МХАТа им. Горького.

— Она, — продолжает Артём, — налила, а это было, напомним, в полдень, в чайную чашку пива. Отказаться? Ну... как-то это не очень вежливо получилось бы... Предложила сесть рядом на диван. Ждала, что полезу обнимать, целоваться...

— В звании повысили! — доносится из-за соседнего, офицерского, столика.

Артём ищет взглядом что-то на краях зонта, под которым мы прятались от июльской жары. Кажется — что-то надёжное, на чём можно зафиксировать взгляд. Продолжает:

— Хлебнул пива, и у меня вдруг резко поменялся настрой. Всю мою романтику ветром сдуло. «О чём ты вообще думал, думаешь? Это же совсем другое...» Подумал, надо как-то завершить

Гражданин СССР, который один среди бела дня подходит в центре ещё советской Москвы к незнакомым, слегка, может быть, и рахитичным и инфантильным, но всё-таки высоким юным парням с таким запросом, не может не напугать. Во всяком случае, меня...

всё, не обидев её. Но я плохо умел врать. Да и не очень старался. Она поняла...

Артём умолкает. Кажется, вся эта его история, всё вот это его накачивающее щемящее, навязчивое, похоже на воспоминание, от которого он хочет избавиться. Полагаю, щадящей для самолюбия Светки версией стала такая: Артём — странный, что включает в себя много чего, если подумать, или просто импотент. Имелась, само собой, и другая трактовка событий: она недостаточно привлекательна.

— Кстати, — прерывает затянувшуюся паузу Артём, — у неё тоже стоял холод.

Плохо отапливалось мосжилё в девяностых.

— Она нарядилась как-то... Носки шерстяные, кофта...

Он одним махом опрокидывает в себя почти полный бокал нагретого вина.

«Бах!» — с хлопком разбивается, упав, задетый, уже другой, впрочем, бокал — за всё тем же соседним столиком.

А мне — я уже прям чувствую раздражение — маленько поднадоели мемориальные сопли бывшего металлста.

— Артём, помнишь, в каком-то фильме персонаж говорит: «Надо проверить секс». Типа... зачем городить отношения, очаровываться, надеяться, ведь в итоге возможна элементарная несовместимость в постели. А тут железный в своей логике алгоритм: если физически всё гармонично, можно влюбляться! А бабы наши и тогда, и теперь — феминистки. Какие-то — более, какие-то — менее. Они — как мужики, вот так и рассуждают. Современная женская логика. А ты, прости... действительно странно себя повёл. Клёвая чувиха, я её помню, можно сказать, оказала честь...

— Ну, про то, что у неё может быть ЗППП*, — Артём чешет нос, — врать не буду, не подумал тогда.

В принципе, я понимаю Артёма. Маловато чистоты, даже понятия о чистоте в современном-то мире! Причём это касается в первую очередь как раз женщин. Но такова реальность: не домострой, не патриархальная деревня — совсем иные времена и нравы. Мегалополисы верят в анонимность. Да и не нужна она почти никому: нынешние девки кичатся своим обширным опытом. Будущие как бы невесты проверяют потенциального как бы жениха на совместимость; часто же дают просто потому, что симпатичный, угостил, пригласил, рассмешил... А «жених»? Что ему остаётся? Отказываться?

Артём держит ножку пустого бокала так, словно это авто-ручка.

— Представь, тогда я считал такое отношение к женщине — жениться надо на девственнице — дремучей дикостью. Сейчас так не считаю.

Ещё молодой Артём, возможно, сочиняет (по типу некоторых моих пожилых родственников) комфортные для психики представления о прошлом, которые путём аутотренинга

Но такова реальность: не домострой, не патриархальная деревня — совсем иные времена и нравы. Мегалополисы верят в анонимность.

* Заболевания, передающиеся половым путём. — *Здесь и далее прим. ред.*

превращает в якобы реальное прошлое. Основной принцип их: всё делалось правильно, достойно, безупречно.

Сам я, в отличие от Артёма, недостатка в женском внимании не испытывал. И проявлял повышенный интерес к привлекательным особям. Да и вообще меня занимала проблема количества. Я вёл счёт. Я был, что называется, сексуально озабочен. Избалованный и изнурённый порочный красавец... Совсем не Аполлон, но что-то их привлекало. То ли феромоны у меня нужные, то ли ещё что-то. Окружающие не понимали всей полноты моей мужской трагедии, видели только внешний успех. По молодости мои менее удачливые сверстники неспособны были осознать, что для меня это быстро стало зависимостью, в которой нет радости, а есть только разрушительное самоутверждение. Так пьяница пытается достичь эффекта первых своих доз, когда на душе мгновенно становилось легко, а собутыльники превращались в самых лучших людей на свете, — но ничего такого уже не ощущает, а нередко, наоборот, становится под действием алкоголя мрачен и даже агрессивен.

Так пьяница пытается достичь эффекта первых своих доз, когда на душе мгновенно становилось легко, а собутыльники превращались в самых лучших людей на свете, — но ничего такого уже не ощущает, а нередко, наоборот, становится под действием алкоголя мрачен и даже агрессивен.

Идём по Никольской в сторону Красной площади, меня немного клонит в сон, куранты на Спасской башне бьют шесть, остаётся лишь идти в сторону станции метро и, словно озорной гуляка — уличный повеса Есенина, улыбаться встречным лицам: в глупой страсти сердце жить не в силе!

После чемпионата мира по футболу 2018 года пешеходная по соседству с Кремлём улица 25 — в советском прошлом — Октября, потеснив лидировавший до того Арбат, стала, пожалуй, самым популярным местом прогулок и тусовок в центре Москвы. Встречных праздных лиц на Никольской круглые сутки — сколько хочешь.

Артём думает о чём-то своём.

Идём, погрузившись в молчание: наговорились.

Такой как бы отдых перед прощанием в метро, когда будет сказано, как рад да что надо чаще встречаться...

Пара ряженных — постоянно пасущиеся в этой части Никольской «вожди мирового пролетариата» — неожиданно преграждает дорогу.

Ничего, кроме раздражения, это не вызывает: пошли вы со своими фотографиями!

На ближайшей к Красной площади скамейке, в нескольких шагах от ГУМа, те самые военные с выуженными из пачек сигаретами готовятся закурить.

Если б случилась такая наша встреча тридцать или хотя бы двадцать лет назад, мы с Артёмом выпили бы ещё. И ещё. И ещё... И, стоя за полночь где-нибудь на Гоголевском бульваре с бутылками пива, друг дружке бы говорили:

— Такая вот она, жизнь, старик.

— Твою мать! Такая, да. Любви ты настоящей хотел. Ха!

— А что, нет той?

— Сам видишь, что в реальности есть.

Звёздный купол же над такими вот страждущими прохожими ночных гоголей покачивался бы, в какой-то момент раскачался бы уже совсем, создав в пьяном сознании ощущение тошнотворного полёта, после которого — только похмельная голова да ещё большее сожаление обо всём.

Потому что и так оно бы получилось неправильно.

И так.

Ещё древними греками отмечено свойство всякого поступка: «Всё равно пожалеешь!»

Разницы, каким путём идти в тех или иных судьбоносных вопросах, нет. Придётся раскаяться, пожалеть, если вообще есть такая склонность. Умение же не жалеть — исключительное свойство полных тупиц и выдающихся мудрецов.

Да и явно что-то настойчиво даёт нам почувствовать наше ничтожество, тщетность.

Но тут как раз наступает время упомянутого волевого ауто-тренинга, когда, как бы ни было тошно, начинаешь, сначала не очень веря (каждый раз как по-новому), а потом словно действительно убеждаясь в собственных утверждениях.

Да, молодец! Да, у меня была куча баб! Да, у меня прекрасная жена и замечательные дети! Да, я классный специалист! Да, я прожил интересную жизнь! Да, впереди ещё более интересная и настолько длинная, насколько хочется. И — да! — становится легче.

Это, возможно, и есть единственная настоящая любовь.

Разницы, каким путём идти в тех или иных судьбоносных вопросах, нет. Придётся раскаяться, пожалеть, если вообще есть такая склонность. Умение же не жалеть — исключительное свойство полных тупиц и выдающихся мудрецов.
